

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 808 + 81'373 + 141.3

С. А. Никитин

СЛОВО ВОВРЕМЯ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

Цель статьи — продемонстрировать рождение теории исторической риторики, объясняющей зависимость механизмов порождения текста от внутреннего времени риторических тропов. Автор особо подчеркивает онтологическое значение внутреннего времени риторических приемов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая риторика, троп, негативная онтология, софистика, механизм порождения текста, *kairos*.

В наше время представление о том, что собственная история риторики определяется не одними лишь внешними влияниями, хотя и не является общепринятым, все же достаточно широко распространено. Существование написанных в разное время и с принципиально разных позиций историй риторики [22–24, 27] — тому свидетельство. Наделенную собственной и оригинальной историей риторику уже невозможно рассматривать просто как технику составления убедительных речей по любому поводу. Вместе с тем преодолеть уровень простой летописи риторических событий и обрести собственную историю — значит найти масштаб или шкалу отсчета для оценки и описания риторики как чего-то большего, чем обыкновенное обучение красноречию. Поэтому изложение истории риторики подразумевает осмысление «истока», или начала, риторической временности. Способность меняться и менять вполне возможно назвать отличительной особенностью традиционного искусства красивой речи. Изменения смысла и формы слов служат достижению эффекта убеждения, ради которого и произносит речь оратор, но одновременно предлагают особое восприятие времени.

Историческая (генетическая, или диахроническая) риторика становится предметом широкого обсуждения в среде философов и литературоведов никак

не ранее второй половины минувшего столетия, и это вполне соответствует интеллектуальной моде того времени. И все же историческую риторику вовсе не стоит считать простым следствием философской моды: в ней, напротив, вполне можно усмотреть реализацию возможностей, заложенных в риторике с самого ее возникновения.

На первый взгляд, само соединение слов «риторика» и «история» в одном словосочетании может показаться неуместным. Традиционное обучение прекрасной и, следовательно, убедительной речи изменилось на протяжении тысячелетий настолько мало, что многие современные курсы риторики более или менее точно воспроизводят, а порой заново открывают, основные положения античных трактатов по риторике. Единственными причинами изменений риторики принято считать причины внешние, обыкновенно упоминаемые в кратких очерках истории науки о красноречии. Говорят, будто в те времена, когда народные собрания утратили политический вес, потеряло прежний смысл искусство составления политических речей и риторика сблизилась с поэзией настолько, что наделенные даром слова молодые люди могли выбирать между карьерой поэта и карьерой оратора. Сообщают также о том, что упорядочение системы преподавания языковых дисциплин отвело риторике место, предполагающее, что составление красивых речей будет по меньшей мере принимать во внимание правила нормативной грамматики и законы логики, а то и подчинится им. Рассказывают и о том, как при смене одного художественного стиля другим риторика и поэзия вновь разлучились, риторика лишилась последнего прибежища и, по мнению многих, «умерла». Должно быть, именно эта «смерть» риторики, последовавшая где-то в начале позапрошлого века, и ее чудесное «воскрешение» век спустя и стали теми событиями, что заставили иначе взглянуть на возможность истории риторики.

Представить подобную «историю» риторики тем более легко, что картина зависящего развития иллюстрирует отношение к риторике философов, постоянно высказывающих подозрения, что у риторики просто нет предмета. Платон вложил эти подозрения в уста Сократа, уличающего Горгия в преподавании красноречия, которое сам Горгий превозносил, но которое, по мнению Сократа, не заслуживало имени искусства, являясь безобразным «призраком» одной из частей искусства государственного управления, низведенного в красноречии до уровня «навыка и сноровки», «постыдного угодничества» низменным страстям [17, 496], устремленного «к наслаждению, а не к высшему благу». Одним словом, «что я понимаю под красноречием, ты теперь слышал: это как бы поварская сноровка не для тела, а для души» [Там же, 498]. Целиком подражательная дисциплина, безобразный призрак настоящего искусства, только и может, что на скорую руку покормить душу. А коль скоро так, то ее можно использовать без зазрения совести, в том числе и в тех случаях, когда необходимо обосновать суждение о ее ничтожности. Не способный даже при порицании риторики обойтись без открытого применения риторических средств, Платон отказывает красноречию в собственной предметной области, тем самым не допуская даже возможности его развития из собственного истока.

Подчиненное искусство, прислуживающее на пиршестве духа, каковым, как полагает Платон, является риторика, может разве лишь помочь другим дисциплинам в исследовании. Причем от услуг риторики всегда можно отказаться, сделав вид, будто их и не было. Но если дисциплина лишена собственного предмета, у нее не может быть и последовательной истории, а место таковой займет хронология внешних воздействий и влияний.

Аристотель тоже высказывает подозрение в отсутствии предмета у науки о красноречии, но его отношение к риторике не столь однозначно. Потому и отрицание предметной области риторики у него выглядит несколько двусмысленным, а сама риторика включается в число искусств, или умений. «Риторика — искусство находить возможные способы убеждения относительно любого предмета... Риторика... способна представить убедительным любой предмет, поэтому мы и считаем ее искусством, не имеющим своего, особого рода предметов» [3, 9]. Аристотель встраивает риторику в иерархию опыта, умений и знаний, отводя ей сравнительно скромное место — одного из умений среди многих других. Кажется, будто самой своей природой первая философия призвана стать вершиной иерархии мудрости, в которой «человек, имеющий опыт, считается более мудрым, нежели тот, кто имеет чувственные восприятия, а владеющий искусством — более мудрым, нежели имеющий опыт, наставник — более мудрым, нежели ремесленник, а науки об умозрительном — выше искусств творения» [1, 67]. Но действие, направленное на единичное, способно перевернуть всю эту иерархию вверх дном. В самом деле, ведь «имеющие опыт преуспевают больше, нежели те, кто обладает отвлеченным знанием, но не имеет опыта. Причина этого в том, что опыт есть знание единичного, а искусство — знание общего, всякое же действие и всякое изготовление относится к единичному» [Там же, 66].

Действия и изготовления обосновывают иную иерархию — иерархию целей деятельности. «Поскольку ряд таких [искусств и наук] подчиняется одному какому-нибудь умению... постольку во всех случаях цели управляющих (architektonikai) [искусств и наук] заслуживают предпочтения перед целями подчиненных; в самом деле, ведь последние преследуют ради первых» [2, 54]. Исходя из этой иерархии, Аристотель объявляет высшей наукой политику. «Поскольку наука о государстве пользуется остальными науками как средствами и, кроме того, законодательно определяет, какие поступки следует совершать или от каких воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а следовательно, эта цель и будет благом для людей вообще» [Там же, 55]. Недостаток оборачивается избытком. Отсутствие особой предметной области риторики превращается в способность выступать в качестве управляющего (архитектонического) умения всякий раз, когда теоретические и практические науки, искусства и опыт необходимо применить в ходе действия, не предполагающего повторения образца, в ходе, иными словами, творения. Такое действие предполагает искусство руководства изготовлением, противопоставляемое Аристотелем искусству использования: «Ведь и искусство пользования есть в некотором отношении искусство руководства, но отличается тем, что обладает знанием формы, искусство же руководства изготовлением знает материал» [4, 86–87].

В процессе творения риторика принуждена оставлять свое место искусства с присущим ему знанием общих рецептов и принимать на себя обыкновенно отводимую первой философией или политике управляющую роль. Соучастие в решении задачи по перестройке иерархии дает риторике возможность самоопределения.

Задача применения материала традиции в деле творения могла формулироваться не так, как принято между перипатетиками, и опираться на представления о взаимных отношениях опыта, знаний и умений, отличающиеся от тех, что изложил Аристотель, ведь эту задачу всякий раз приходилось решать заново. Оценивая перспективы риторики в нашу технологическую эру, Ричард Маккеон представляет историю творческого и управляющего умения, каждый поворот которой не только отвечает изменчивым запросам времени, но и становится реализацией возможностей дисциплины. «Риторика — инструмент последовательности и изменения, традиции и революции. История риторики — это история сохраняющегося искусства, подвергающегося революционным изменениям... Римские риторы и философы превратили риторiku в управляющее искусство, относимое к каждому предмету силой закона и человеческого творчества. Риторы и философы эпохи Возрождения превратили риторiku в управляющее искусство, относимое к каждому предмету силой искусства и человеческого конструирования. Риторы и философы наших дней могут превратить риторiku в управляющее искусство, относимое к каждому предмету силой науки и человеческого опыта» [26, 2].

Выполняя роль архитектурного искусства, риторика создает свою историю, определяемую не столько внешними влияниями, сколько ее собственными возможностями противостоять внешним влияниям. В каждую эпоху риторика способна использовать силы, венчающие иерархию знаний, умений и опыта, в своих интересах, поскольку она «в любом применении обращена к единичному, а не к общему» [Там же, 13]. Положение управляющего умения в сфере творения риторика себе обеспечивает тем, что каждый раз заново решает всякий раз по-новому сформулированную задачу применения «общих мест» к частному случаю. Условия применения меняются, что и позволяет риторике демонстрировать пластичность в исполнении роли управляющего умения, которую приходится писать всякий раз заново, хотя бы и на основании всех прежде сыгранных вариантов этой же роли, рассказывая единственную в своем роде историю о бесконечном повторении неповторимых событий.

Общеизвестное определение риторики, основывающееся на этимологии слова, называет риторiku искусством (или наукой) красноречия. Обещание научить красноречию, или, иными словами, обещание сделать убедительной или прекрасной речь, говорит об этой вот не сложенной и не сказанной речи, но ничего о сути обучения, и нимало не помогает провести границы предметной области риторики. Определение скрывает оценочное суждение, превозносящее, рекламирующее, но не определяющее риторiku.

Каким бы ни казалось определение риторики как управляющего и творческого умения (а не техники составления речей), оно прямо и непосредственно связано с одним из главных слов риторической практики. Предмет риторики

определить трудно хотя бы потому, что красноречие, вкупе со своим предполагаемым воздействием, убеждением или оболыщением, зависит от ситуации применения, а значит, от того, кто, перед кем, по какому поводу и с какой речью выступает. Удача в выборе момента и нахождении положения значит для успеха речи несколько больше, чем развитие положения и подобающее украшение его, и много больше, чем знание общих идей или принципов. Вместе с тем рассуждение об удачном моменте представляет собой разработку теории времени, радикально отличающуюся от теории объективного времени и предвосхищающую описания «живого настоящего» и релевантности.

Древнегреческое слово *kairos* можно перевести на русский язык выражениями «успешное дело» и «удачное слово», «подходящее место» и «нужное время». С античных времен и до наших дней это слово используется для того, чтобы обозначить неперемное условие успеха речи или деяния. Предположение о том, что случайности места и времени определяют успех или неудачу, необоснованным не назовешь, ведь и вправду, занимаясь делами практически, недостаточно знать общие принципы, но стоит с возможно большей строгостью «определить момент, когда необходимо... вмешательство, а также правильный для данной ситуации образ действий» [19, 91]. Увязывая стратегии использования удовольствий с проблемой выбора правильного момента, Мишель Фуко подчеркивает не только значимость темы *kairos*'а в Древней Греции, но и связь этой темы со сферами знаний и умений: «У греков эта тема — “когда надо” — всегда занимала важное место не только как проблема моральная, но и в качестве проблемы научной и технической» [Там же, 91]. Изобретение или обнаружение удачного момента прямо связано с сосуществованием принципиально разных масштабов рассмотрения времени. Фуко упоминает о масштабах «жизни как целого», «годового цикла» и «времени суток» [Там же, 92]. Но особое смысловое наполнение *kairos*'а помещает его вне какого бы то ни было определенного масштаба, связывая в то же время со всеми возможными масштабами. Барбара Кассен пишет о распространенной привычке подчеркивать «однообразие целей, которые приписываются тому, кто полагается на *kairos*», и перечисляет эти, в самом деле слишком предсказуемые, цели: «деньги, успех, победа» [15, 199]. Неразрывные узы, связывающие *kairos* с вот этим мигом, с вот этой ситуацией, с решением вот этой практической задачи, вынуждают к такому умалению целей тех, кто, пожертвовав правдоподобным мнением, спешит начать триумфальное восхождение к истине. Но и полагающиеся на *kairos* стремятся не к одним лишь низменным целям.

Так, великий афинский оратор Исократ, противник и софистов, и Платона, причисляемого им к одному из разрядов софистов, возможный учитель Аристотеля и оригинальный риторический философ, неоднократно использует слово *kairos*, раздавая нравственные наставления и политические советы. Может показаться, что он стремится заинтересовать адресатов речей и писем как раз успехом, деньгами и победой. Вот, обращаясь к некоему Демонику, он учит его трудному искусству вовремя вставать с пиршественного ложа: «Пьяных сборищ остерегайся более всего; если же когда случится присутствовать (*kairos*) на таком собрании, встань и уйди, не дожидаясь опьянения. Ведь когда рассудок

затуманится вином, с ним случается то же самое, что с колесницами, потерявшими возничих: как те несутся в беспорядке, лишившись людей, которые ими управляли, так и душа часто сбивается с правильного пути, когда рассудок помутится» [11, 218]. А вот он наставляет царя в делах повседневного управления: «Не делай ничего в гневе, однако делай вид, что ты раздражен, когда тебе это удобно (*kairos*). Будь в глазах людей и грозным — благодаря умению все замечать, и снисходительным — вследствие обыкновения наказывать мягче, чем того требует проступок» [12, 224]. А теперь подговаривает тирана Сиракуз к вмешательству в дела Эллады и тем самым к совершению исключительного деяния: «Если ты пожелаешь сделать доброе дело для всей Эллады, то какой же иной более удобный случай (*kairos*), чем настоящий, может выпасть на твою долю?» [13, 183]. Главный успех в политике, к которому стремился Исократ, его главная победа, достигнутая теми, к кому он обращался, уже после его смерти, — объединение эллинов в войне с Азией.

Своему единомышленнику, царю Македонии, он сообщает, что час пробил: «В то время я советовал тебе примирить между собой наше государство, спартанцев, фиванцев и аргиев и привести всех эллинов к единодушию. Я полагал, что если ты склонишь к этому самые выдающиеся государства, то вскоре последуют за ними и все остальные. Тогда была совсем иная обстановка; ныне же случилось так (*kairos*), что нет никакой необходимости в убеждении. Ведь происходившая борьба заставила всех внять здравому смыслу и желать того же, что, как они полагают, и ты намереваешься делать, и говорить о том, что необходимо, прекратив безумие и оставив попытки обогатиться за счет другого, перенести войну в Азию» [Там же, 187]. И объясняет самим эллинам в фиктивной Олимпийской речи, насколько необходимо начать войну с Персией как можно быстрее: «Даже слишком многое побуждает нас к войне против персов, а сейчас для этого самое время. Позор упускать удобный случай (*kairos*), а потом о нем с горечью вспоминать. А ведь лучших условий для войны с царем, чем теперешние, и пожелать нельзя» [14, 60]. В малом и большом: занимаясь государственными и личными делами, исполняя рутинные обязанности и совершая поступки, меняющие течение истории, — ни при каких обстоятельствах нельзя упускать «удобный случай». Удачно произнесенная и счастливо услышанная речь предшествует «удобному случаю», предвещает и приближает его наступление.

Российский исследователь творчества Исократы указывает, что даже в тех случаях, когда цели употребления слова *kairos* как будто бы прозрачны, сам этот «термин» остается неоднозначным. Дело в том, что «многозначность термина... позволяет использовать его одновременно и в риторической концепции, и в политической теории... *Kairos* у Исократы превратился в инструмент, помогающий оратору приспособить свою речь к сложившейся ситуации, при его посредстве автор определяет способ оформления идеи, структуру аргументации, отбирает и оценивает факты. В то же время *kairos* отражает неустойчивость и резкие колебания политической жизни Эллады, ориентацию на удачные обстоятельства, которые могут изменить существующее положение в лучшую сторону. В качестве комплекса удачного момента и удачных методов для

оправдания курса действий *kairos* у Исократа становится одной из основных установок его политической концепции, приемом пропаганды и методом построения речей» [10, 60]. Принимая внешность обыкновенного указания на удачное стечение обстоятельств, речь о *kairos*'е становится реализацией «удачного момента», не только предвосхищая действие, но и замещая его собой. Не в том только дело, что далеко не обеспечен успех в делах, когда доверившийся «удачному моменту» оратор уже произносит успешную речь о них. Важно также и то, что речь своим свидетельством об упущенных возможностях обрекает несостоявшихся или несколько припозднившихся деятелей на участь неудачников, превращает даже удачные действия в подражания недостижимому совершенству, созданному речью и сохраняемому только в ней. Помимо денег, успеха и победы утверждение самодостаточности речи становится еще одной — и важнейшей — целью тех, кто полагается на *kairos*. Но где, если не в лирической поэзии, искать начало такого понимания *kairos*'а?

Впервые понятие *kairos* употребляется в лирической поэзии Пиндара и в медицинской теории Гиппократ, что знаменательным образом связывает тех, кто стремится найти удачный момент, с их главными целями — исцелением и творчеством. Хотя, говоря о *kairos*'е, Пиндар дает советы, обращаясь к очевидным или подразумеваемым адресатам лирических посланий, значение таких упоминаний явно не сводится к простому указанию на важность «удачного момента». В лирике *kairos* отмечает те мгновения, когда поэт передает весь жизненный опыт в одном лишь уместном слове и тем добивается славы, так что может сказать:

Если в пору сказано слово,
Если многое пытано и в малое сжато,
Дальше от следов твоих будет людская хула [16, 63].

«Знать свой час — превыше всего» [Там же, 105], — утверждает Пиндар, и его прославленный переводчик полагает, что именно «верный момент» наилучшим образом выражает его «художественный — и не только художественный — идеал» [7, 355]. Стремление к такому «идеалу» рискованно, ведь *kairos* — это та точка, «в которой индивидуальные целенаправленные усилия счастливо совпадают с непознаваемой волей судьбы: только такое совпадение и приносит успех как поэту в песне, так и борцу на состязании, оно всегда неповторимо и всегда рискованно» [Там же]. *Kairos* — это «момент раскрытия возможностей: для медицины — момент “кризиса”, т. е. окончательного перелома в сторону выздоровления или смерти, момент спуска стрелы — для лучника в поэзии Пиндара или в трагедии, определяющий попадание или промах» [15, 198]. Пущенную в цель стрелу, как и слетевшее с уст слово, не остановишь и не вернешь, а траекторию полета не подправишь. Попадание делает лучника лучником, а поэта — поэтом: что же сказать о промахнувшемся?

«Верный момент» можно назвать «и не только художественным идеалом» и Пиндара, и каждого лирика — и не только лирика. Не один лишь Пиндар и не одни лишь лирики хотели бы говорить и делать именно то, что более всего соответствует моменту. Так, Гиппократ, наставляя своих будущих коллег,

отмечает структуру «верного момента» и его способность соединять опыт и разум. «Во времени содержится удобный случай, а в удобном случае — малое время: исцеление достигается временем, но иногда также и удобным случаем. Кто это знает, тот должен приступать к лечению, обращаясь прежде всего не к вероятному рассуждению, но к опыту, соединенному с разумом» [8, 50]. Подобно лирическому поэту врач должен применить спасительные средства (какие именно — совместно подскажут разум и опыт) в удобном случае, обнаружив в нем малое время уместности, отличающееся от объективного времени. Слово *kairos* в рассматриваемом здесь смысле пишется и произносится с ударением на втором слоге. В греческом языке присутствует и слово *kairos* с ударением на первом слоге, обозначающее нить, закрепляющую основу ткани на станке. Рассматривая (действительные и возможные) этимологии слова *kairos* и в связи с этим сравнивая слова *kairos* с ударением на первом и на втором слоге, Кассен замечает, что «при артикулировании *kairos*'а... слова одновременно спускаются с тетивы и сплетаются» [15, 199]. Меткий поэт или оратор соединяет слова, но не сплавляет их, обеспечивает их артикуляцию, устанавливая различие между ними. Стягивая нитью края разрывов, искатель удачного момента создает иллюзию реального бытия.

Софисты и великие ораторы классической Греции определили особое отношение *kairos*'а к воздействию речи, предложив тем самым учение о риторической временности. Кассен пишет: «“*Kairos*”, одно из тех греческих слов, которые практически не поддаются переводу, опирающееся, с одной стороны, на гипократовский корпус, а с другой, на пиндаровскую поэзию, безусловно, является неотъемлемым свойством софистической темпоральности» [Там же, 198]. Без целенаправленных индивидуальных усилий «верный момент» недостижим, но *kairos* определяется и непостижимой волей судьбы, перед которой остается лишь склониться. Доверившийся «верному моменту» рискует и творческой состоятельностью, и онтологической определенностью.

Эпистемологический релятивизм софистов обосновывается по-разному, и лишь в некоторых случаях это обоснование подразумевает отнесение к удачному моменту. По свидетельству Диогена Лаэртского, Протагор впервые заявил, что «о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом» [9, 375]. Но известное антропологическое высказывание Протагора говорит о нем как о философе меры, или *metron*, которую можно считать неизменной, по меньшей мере в пределах одной жизни, одного из периодов жизни или вот прямо сейчас. Мера защищает и обороняет от чудовищной пустоты, открывающейся перед тем, кто полагается лишь на удачный момент. Оставаясь верным мере, можно предложить и гораздо более умеренную трактовку открытого Протагором положения, что, собственно говоря, и сделал Аристотель, подчеркивавший, что, кроме риторики и диалектики, «из остальных искусств ни одно не исследует противоположности» [3, 8]. Риторика — это одно из двух исследований противоположности, и, кто бы ни захотел обучиться риторическому рассуждению, он должен будет говорить о всяком предмете противоположным образом. Но сколь бы соблазнительным ни было согласиться с Аристотелем и посчитать образование противоположных суждений упражнением по освоению

риторики, учебным заданием по школьному предмету, равная возможность высказывать противоположные положения прямо связана с тревожным вопросом о возможности онтологии.

Напротив, о Горгии Секст Эмпирик сообщает, что тот написал не дошедший до нас трактат «О не-сущем, или О природе», содержавший три главы: «о том, что ничего не существует»; «о том, что даже если оно и существует, оно непостижимо для человека»; «о том, что если оно и постижимо, то уже во всяком случае невысказуемо и необъяснимо для другого» [18, 73]. Невозможности сказать и объяснить, непознаваемости предшествует негативная онтология: учение о том, что ничто не существует. Постулируя необъяснимость, непостижимость, возможно, и несуществование никакого сущего, Горгий обосновывает необходимость такой речи о сущем, которая стремится быть своевременной. Софист, или риторический философ, полагающийся только на *kairos*, и не может развивать какую бы то ни было иную онтологию, кроме негативной. Впервые в европейской интеллектуальной истории Горгий заговорил о рискованной, но неизбежной связи речи и ничто, которую в минувшем столетии описал Морис Бланшо. «Речь начинается только с пустоты; полнота и уверенность не говорят; тому, кто говорит, всегда не хватает чего-то существенного... Речь обнаруживает, что обязана своим смыслом не тому, что существует, но своей отстраненности от существования и подвергается соблазну сохранять эту отстраненность, достигать негации внутри себя самой и делать из ничто — все» [5, 35]. Пока не произнесено убедительное слово, торжествует пустота, но поскольку слово никогда не станет достаточно убедительным, все всегда будет начинаться с самого начала. Речь остается ничем, ни при каких обстоятельствах не превращаясь в высшую реальность бытия, и тем самым вынуждает говорящих снова и снова произносить новые слова, создавая внутреннее время текста.

Коль скоро ни одно слово не может стать словом бытия, все они используются в переносном смысле, как риторические приемы, или тропы и фигуры. Комментируя отличие *metron* от *kairos*'а, Хэролд Блум полагает, что, в отличие от Протагора, считавшего смысл относительным, текучим и изменчивым, но реальным [20, 35], Горгий полагал, что смысл не реален. Упомянув возможные философские и житейские истолкования релятивизма софистики, Блум пишет, что «с точки зрения риторики в учении Протагора два логоса становятся единством многообразия, обосновывая тропологический перспективизм, который мы с тех пор неизменно встречаем в лирической поэзии Запада» [Там же]. Тропологический перспективизм разворачивает противоречивое единство удачного момента и слова о нем в движение от тропа к тропу, в потенциально бесконечный текст. В речах и трактатах Горгия это движение обосновано последовательнее, чем у Протагора, поскольку «поэт или оратор Горгия — *психагог*, проводящий души к единственной относительной истине, или к относительности истины, путем антитетического заклинания, превращающего в троп каждое определение и противопоставляющего каждому понятию его противоположность» [Там же, 38]. В отсутствие логоса, или объективного и рационального знания, оратор ведет души слушателей сквозь борьбу понятий, через

сменяющие друг друга фигуральные определения. «Горгий знал только то, что само знание — трагично или поэтично, поскольку *kairos* — вполне агонистическое понятие. Логос, противостоящий фигуральному изображению человеческого начала, разрывается антитетическими силами, разрушающими рациональность» [20, 37]. В соревновании противоборствующих понятий оратор или поэт добывает единственно возможное, но заведомо недостоверное знание. Негативная онтология и негативная эпистемология — дорогая цена, которую приходится платить за изобретение и нахождение, за открытие и творчество.

Негативная онтология в ее древних или новейших вариантах обосновывает необходимость использовать риторические приемы, или тропы и фигуры, и переходить от одного тропа к другому, тем самым порождая связные тексты. Дальнейшей разработкой разных вариантов исторической риторики становится описание механизма действия тех тропов, которые в первую очередь создают внутреннее время текста. Таковы система «главных тропов» (в исторической риторике Блума, Поля де Мана и др.), исправляющие взаимные неудачи метафора и метонимия (в теориях Р. О. Якобсона или Ж. Женетта), металепсис, диахронное измерение которого подробно описал Блум [6, 119–131], катахреза и металепсис, значение которых подчеркивал Питер де Болла, сравнивая теории Блума и де Мана [21, 132–133], ирония или аллегория, о которой де Ман писал, что в ней «необходимо содержится конститутивный временной элемент; для появления аллегории необходимо, чтобы аллегорический знак указывал на другой предшествующий знак» [25, 207]. Вслед за В. Бенямином де Ман указывает на то, что с толкованием аллегории связано конституирование времени, позволяющее не только развить теорию и практику исторической риторики, но и исследовать основания социальной теории. Эти и другие оценки отдельных тропов и их комбинаций, представляющие собой более или менее тщательно разработанные гипотезы того, как может выглядеть механизм порождения текста, на поверку оказываются развитием античной теории «удачного момента» и негативной онтологии в духе Горгия.

Уместный поступок поддерживает или изменяет мировой порядок, но ввремя сказанное слово всегда употребляется в переносном смысле. В самом деле, в неповторимой ситуации используются обыкновенные слова. Успешным может стать только такое употребление, когда слова употребляются в строгом смысле, устремляясь к цели путем прямым, как полет стрелы. Успех приносит лишь изобретение слова, которое создается заново, для вот этого момента, оставаясь в то же время понятным словом знакомого языка. Уместная речь, сказанная в удачный момент, может быть произнесена лишь единожды и оттого всегда произносится впервые.

Речь побуждает к действию, но, коль скоро действие может быть исполнено лишь после речи, оно не может не опоздать. Тем самым и речь, действующая как побуждение к своевременному действию, обречена на неудачу, поскольку действие никогда не происходит вовремя. Слово откладывает действие. Речь вынужденно обманывает, используя счастливый случай, предназначенный для того, чтобы строить мосты над бездной.

Внутреннее время речи или текста устанавливается применением риторических приемов при том непеременимом условии, что оратору или автору удастся применить нужный прием в нужном месте и в нужное время. Внутреннее время речей и текстов определяют возможности риторики, а значит и внешнюю историю риторики, которая именно потому и достойна имени исторической (генетической, диахронной) риторики.

1. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1976. Т. 1.
2. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4.
3. *Аристотель*. Риторика // Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2005.
4. *Аристотель*. Физика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1981. Т. 3.
5. *Бланшо М.* Литература и право на смерть // Бланшо М. От Кафки к Кафке. М., 1998.
6. *Блум Х.* Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург, 1998.
7. *Гаспаров М. Л.* Древнегреческая хоровая лирика // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
8. *Гиппократ*. Этика и общая медицина. Письма. М., 2007.
9. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
10. *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994.
11. *Исократ*. К Демонику // Вестн. древ. истории. 1965. № 3.
12. *Исократ*. К Никоклу // Там же.
13. *Исократ*. Письма // Там же. 1969. № 2.
14. *Исократ*. Панегирик // Ораторы Греции. М., 1985.
15. *Кассен Б.* Эффект софистики. М. ; СПб., 2000.
16. *Пиндар*. Пифийские песни // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты.
17. *Платон*. Горгий // Платон. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 1.
18. *Секст Эмпирик*. Две книги против логиков // Секст Эмпирик. Соч. : в 2 т. М., 1976. Т. 1.
19. *Фуко М.* Использование удовольствий (История сексуальности. Т. 2). СПб., 2004.
20. *Bloom H.* Agon. Towards a Theory of Revisionism. N. Y., 1982.
21. *Bolla P. de.* Harold Bloom. Towards Historical Rhetoric. L. ; N. Y., 1988.
22. *Covino W.* The Art of Wondering. A Revisionist Return to the History of Rhetoric. Portsmouth, NH, 1988.
23. *Howell W. S.* Logic and Rhetoric in England, 1500–1700. Princeton, NJ, 1956.
24. *Kennedy G. A.* Classical Rhetoric and Its Christian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. L., 1980.
25. *Man P. de.* The Rhetoric of Temporality // Man P. de. Blindness and Insight. Essays in Rhetoric of Contemporary Criticism. L., 1983.
26. *McKeon R.* The Uses of Rhetoric in a Technological Age: Architectonic Productive Arts // McKeon R. Rhetoric. Essays in Invention and Discovery. Woodbridge, CT, 1987.
27. *Murphy J. J.* Rhetoric in the Middle Ages. A History of Rhetorical Theory from St. Augustine to the Renaissance. Berkley, 1974.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2012 г.